

Все эти жизненные вопросы вихрем сталкивались в каждом провинциальном народном обществе, в каждой секции больших городов, а оттуда переходили в Конвент. А над всеми ими выдвигался центральный вопрос, с которым связаны были все остальные: «Что делать с королем?»

XXXVIII ПРОЦЕСС КОРОЛЯ

Два месяца, протекших со времени открытия Конвента до предания короля суду, до сих пор остаются загадкой для истории.

Первый вопрос, который неизбежно должен был представиться Конвенту, как только он собрался, был, несомненно, вопрос о том, что делать с заключенными в Тампле королем и его семьей? Держать их там неопределенное время, пока будет оттеснен неприятель и провотирована и признана народом республиканская конституция, было невозможно, особенно когда на короле висело тяжелое обвинение в заговоре, приведшем к бойне 10 августа, и призыв иностранных армий во Францию. Как может установиться республика, раз она держит у себя в тюрьме короля и его законного наследника, не решаясь вместе с тем что-либо предпринять по отношению к ним?

Кроме того, в качестве частных лиц, увезенных из дворца и сидящих в тюрьме целой семьей, Людовик XVI, Мария-Антуанета и их дети становились заслуживающими сочувствия жертвами. Их страстно защищали роялисты и жалели не только буржуа, но и сами санкюлоты, державшие стражу в Тампле.

Такое положение не могло продолжаться. А между тем прошло целых два месяца, во время которых Конвент с жаром разбирал всякие другие вопросы, но не приступал к разбору первого же последствия 10 августа, т. е. судьбы короля. Задержка эта была, по нашему мнению, умышленной, и мы не можем объяснить ее иначе, как тем, что в это время происходили тайные переговоры с европейскими дворами. Эти переговоры до сих пор еще не обнародованы, но, без сомнения, они касались иностранного вторжения во Францию, и их исход зависел от оборота, какой примет война.

Мы знаем уже, что Дантон и Дюмуре вступили после битвы в Вальми в переговоры с командующим прусской армией и, по-видимому, убедили его отделиться от австрийцев и отступить. Известно также, что одним из условий, поставленных герцогом Брауншвейгским (условием, вероятно, не принятым) была неприкосновенность Людовика XVI. Но были, наверное, и другие условия. Подобные же переговоры велись, по всей вероятности, и с Англией. Вообще трудно объяснить молчание Конвента и *терпение секций* иначе как тем, что между Горой и Жирондой произошло на этот счет соглашение.

Теперь для нас очевидно, что такого рода переговоры по двум причинам не могли привести ни к чему. Судьба Людовика XVI и его семьи не интересовала настолько ни прусского короля, ни австрийского императора, брата Марии-Антуанеты, чтобы они принесли так называемые «национальные политические интересы» в жертву личным интересам тампльских узников. Это видно из тех переговоров, которые велись позднее относительно освобождения Марии-Антуанеты и сестры Людовика XVI, Madame Elisabeth. С другой стороны, соединенные короли не встретили среди образованного класса Франции того единодушия республиканских чувств, которое уничтожило бы их надежду восстановить королевскую власть. Они увидели, напротив, что буржуазная интеллигенция готова согласиться на избрание королем герцога Орлеанского (он был национальным гроссмейстером франкмасонов, к которым принадлежали все известные революционеры), или же его сына, герцога Шартрского (впоследствии он царствовал под именем Луи-Филиппа), или даже наследного принца, сына Людовика XVI.

Между тем народ терял терпение. Народные общества значительной части Франции требовали, чтобы процесс короля не откладывался больше, и 19 октября Парижская коммуна заявила Конвенту о таком же желании Парижа. Наконец, 3 ноября был сделан первый шаг. Был прочитан доклад, требовавший предания суду Людовика XVI, а на другой день были формулированы и главные пункты обвинения. 13 ноября открылись прения по этому вопросу. Тем не менее дело все еще тянулось бы, если бы 20 ноября не было сделано одно поразительное открытие. Слесарь Гамен, когда-то обучавший Людовика XVI слесарному ремеслу, довел до сведения министра Ролана о существовании в Тюильри по-

интенданты делали громадные закупки хлеба как раз в провинциях, где был неурожай и цены стояли очень высокие. Спекуляциям на повышение цен на хлеб, которыми в прежние времена занимался Септель за счет Людовика XVI («добрый король» не пренебрегал этим средством для обогащения своей казны), предавалась теперь буржуазия.